

Леонид Рохлин • Позолоченные Времена

Позолоченные Времена

Леонид Рохлин

ISBN 978-3-59682-227-6

9 781596 822276

Published by Fultus Corporation
www.fultus.com

Леонид Роҳлин

**Позолоченные
Времена**

Fultus™ Books

Gilded at Times

by

Leonid Rokhline

ISBN-10: 1-59682-227-9

ISBN-13: 978-1-59682-227-6

Copyright © 2010 by Leonid Rokhline. All rights reserved.

Cover design and book layout by Fultus Corporation

Published by Fultus Publishing

Publisher Web Site: www.fultus.com

Fultus eLibrary: elibrary.fultus.com

Online Book Superstore: store.fultus.com

Writer web site: writers.fultus.com/rokhline/

email: production@fultus.com

No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission except in the case of brief quotations embodied in critical articles or reviews; violators will be prosecuted to the fullest extent permissible by law.

The author and publisher have made every effort in the preparation of this book to ensure the accuracy of the information. However, the information contained in this book is offered without warranty, either express or implied. Neither the author nor the publisher nor any dealer or distributor will be held liable for any damages caused or alleged to be caused either directly or indirectly by this book.

Глава 1.

Ася

«...осенним светом полна голова...»

Весной 1957 года благополучно завершился третий год студенческого состояния. И двадцатый год существования. Мы были очень молоды. Эти взаимосвязанные события произошли в учебном Нефтяном институте среди взрослых мудрых людей. Мы начинали чувствовать себя зрелыми и если ещё не мудрыми, то вполне самостоятельными гражданами. Нас было много таких юных самостоятельных граждан и потому дирекция института, видимо тоже почувствовав нашу высокую гражданственность, издала приказ разрешающий после третьего курса самим выбирать место для летних полевых геологических работ. Нам верили!

Мы мотались по геологическим организациям и всюду рекомендовали себя. Сами, без писем и ходатайств. Хотелось куда-нибудь на Галапагосские острова, в крайнем случае на Фолклендские или там на греческие Киклады. Но там господствовали чуждые, дикие капиталистические законы. Не советские. Нам по дружески не рекомендовали туда ехать. Вообще, после долгих мытарств выбрали трест «Дагнефть», чьи небольшие нефтегазовые месторождения тянулись цепочкой вдоль западного побережья Каспия.

Древняя земля, где ходили сарматы и разные скифы, где шли караванные пути из Персии по Дербентскому проходу в Хазарию, где плавали русские викинги, грабя города на побережье, а позже русские Никитины бороздили море на пути в Персию и Индию. Одним словом исконные российские земли. Так нам говорили и в том нас убеждали. Потому очень захотелось поглядеть, походить, поразузнать как живётся-может быть ныне на древних, почти российских землях. Была и ещё одна причина. Честно говоря – главная.

Розочка Абуева, славная дочь кавказских гор, наша подружка по группе, рисовала нам захватывающие картины приёмов в домах её многочисленных родственников. Слышалось жалобное блеяние баранов, идущих на заклание, бой тамбуринов и танцы живота восточных рабынь. Её местных подружек.

Дух захватывало. Возбуждаемые мужеским плотским духом, мы единым махом досрочно преодолели экзаменационный барьер и в начале мая битком набитый плацкартный вагон нёс наши тела и мысли в Махачкалу.

Нас было четверо. Две вполне взрослые женщины. Пылкий, восторженный, свободный от всяческих уз и пут горный цветок Розочка и бледная дочь подмосковных равнин Ниночка. Их сопровождали два безусых «красавца» – Вадим Хромов, по кличке «птенец» и ваш покорный слуга, кличку которого мне неловко произносить. Ранит душу. До сих пор! Вообще-то должен был ехать и пятый член. Тоже из нашей группы. Но обстоятельства интимного характера не позволили ему решиться на этот отважный шаг.

Речь идёт о незабвенном Александре Кричевском, весьма способном молодом человеке. Уже давно вся группа шушукалась об особых отношениях гордого кавказского цветочка и сына чахлой московской растительности.

Мнения были разные. Уязвлённые безразличием некие сокурсницы намекали на жилищно-прописочную причину особого отношения Розочки. Другие, с важным видом тонких искусствоведов, говорили о слишком большой разнице в интеллекте. Ну а нам, друзьям, было безразлично. Помнится лишь, что осторожный Александр Владимирович чаще уходил от разговоров про поездку на Кавказ. То ли чего-то боялся, то ли колебался. Не знаю! Всяко ведь бывает после обильного принятия молодого терпкого вина, да ещё в горах, да ещё при многочисленных родственниках, да ещё в силу ... жестких горских законов. Вообще, не поехал пятый.

Древнее море встретило нас ленивыми, грязно-зелёными волнами, узким неухоженным пляжем, заваленным буграми водорослей, издававших острый йодистый запах и двумя жующими верблюдами, с философским спокойствием поглядывающих на море, на родной туркменский берег. Мы прыгали и скакали по пляжу, ныряли в зелёные волны и строили страшные морды верблюдам. Наша жизнерадостность никак на них не действовала, лишь двое-трое местных жителей в папахах наблюдали за нами с парашета набережной и укоризненно качали головами.

Остановились у тётки Розочки в небольшом одноэтажном домишке. Старом, замшелом, с таким же садом, куда лишь по утрам проникало горячее солнце, а в остальное время полумрак и тишина заполняли пространство. Мы ждали пока руководство треста направит нас в какое-нибудь нефтепромысловое отделение. Дни текли, про нас видимо забыли в тягостных заботах о перевыполнении очередного пятилетнего плана. И тогда Розочка

повезла нас в маленький городок Буйнакск. Высоко в горах, террасами домов спускавшейся к р.Сулак. Здесь жили её родители и многочисленные родственники тайпа.

Мне было двадцать и я шалел от свободы и необъяснимой радости. Неожиданные таинственные и острые приключения казалось ежедневно подстерегали меня среди остроконечных гор, воинственных людей на стройных лошадях, нивесть откуда прискакавших и выдумавших столь красивые обряды танцев, нарядов, приёмов гостей, свадеб, любви...Последнее особенно будоражило сознание. И судьба откликнулась...

На второй день, к вечеру, в наш дом спокойно и смело вошла девушка. Она даже не постучалась. Просто открыла дверь и её огромные иссиня-чёрные смеющиеся глаза остановились на моей фигуре. До сих пор помню этот взгляд. Испытующий, чуть насмешливый взгляд уверенного в себе, не робкого человека. В прищуренных глазах, обрамлённых пушистыми ресницами, прыгали бесы. Ничуть не стесняясь моего полураздетого вида и лёгкого остоленения, она подошла и прямо глядя мне в глаза, с какой-то неуловимой усмешкой, певучим приятным голосом заговорила короткими фразами.

Здравствуй! Я Ася, двоюродная сестра Розы. Я тебя вчера видела. Ты разговаривал с моими братьями в саду, я стояла за яблоней. Ты меня не заметил, а вступать в разговор, когда мужчины беседуют, у нас не принято.

Я был ошарашен. Вот оно! Таинство ожидания, внезапно реально претворившееся в образе смелой горянки. Лермонтовской Бэллы. Это она! Конечно, она. Я старался взять себя в руки, обуздать вспыхнувшие чувства и что-то говорить. Получалось несуразно. Мои слова и мои взгляды были разительно непохожи. Наконец, совсем сконфуженный я замолчал. Таинство тихо-тихо засмеялось и вновь заговорило -

Ты вчера так красиво говорил о Москве. Я мечтаю там побывать. А ты был в мавзолее?

Тут я совсем успокоился.

Нет, не был, с пионерских времён - отвечал с видом бывалого горожанина - нас тогда водили на Красную площадь, на торжественную линейку. Потом проводили через мавзолей. Что там делать-то часто!

Ася вскинула ресницы. Они поднялись бугорком, с видом крайнего удивления.

А в музее Революции .... ты был – уже неуверенно, застенчившись чего-то спросила девушка.

Да кому это нужно – удивился я – там же скукота жуткая. Если хочешь полюбоваться Москвой, то приезжай осенью, самая лучшая пора – язык мой завертелся совсем непринуждённо – Знаешь, что такое бабье лето? Потрясающее время. Покажу тебе старую Москву, Арбатские переулки, купеческие особняки в Замоскворечье, театры, музеи. Красиво. Сказочно.

Когда оно бывает, бабье лето?

В середине сентября. Постой. Подожди меня в саду. Я сейчас быстренько оденусь и выйду... - и ринулся в комнатку наводить марафет.

Сердце прыгало от предчувствий. Пробегая к себе, заметил своих, готовых к выходу. Мгновенно вспомнил, что собирались в горы к какому-то очередному родственнику, пасечнику. Остановился и обратясь к Розе, почему-то смутившись, сказал –

Роз, пришла твоя сестричка, Ася, можно взять её с собой.

В это время в комнату вошла и Ася, видимо услышавшая мои слова.

Наступило молчание, непонятное мне. Ася и Роза заговорили на незнакомом языке. Роза чем-то возмущалась, а сестра смеялась, показывая ровные белые зубы. Беседа была недолгой. Ася вдруг вспыхнула, едва попрощалась и ушла. Я уставился на Розу.

Почему она ушла, что ты ей сказала?

Ты не в Москве, ты даже не в Махачкале. Ты в большом ауле и здесь, я предупреждала вас, а тебя в особенности, надо быть очень осторожным. Тем более с женщинами. Здесь нельзя просто так заговорить с незнакомой женщиной, пригласить не с того не с сего на прогулку. Да ещё в горы. Ты что с ума сошел! Сразу увидят и тогда тебе нужно будет срочно убегать. А ей каково потом! Ничего, потерпишь. Смотри как загорелся – смеясь говорила Розочка и чуть помолчав, пыгливо взглянув, добавила – ...если уж очень хочешь встретиться с ней, то увидишь её в Махачкале, она там живёт в общежитии университета.

Так она студентка – я подпрыгнул от радости

Да, литературного факультета. О, если-бы ты знал её жизнь. У неё была страшная история, ещё и сейчас не закончившаяся. Смотри,

предупреждаю тебя, что с ней просто так пофлиртовать нельзя. Убью, если узнаю.

И Розочка грозно нахмурила густые чёрные брови. Мне стало неинтересно в Буйнакске и последующие дни прожил в томительном ожидании отъезда. Только оригинальные кавказские блюда, которые готовила мама Розы, временно отвлекали от чувственных грёз и размышлений над той удивительной историей, что рассказала Роза.

Удивительной для меня, выросшего в обстановке государственного атеизма и вызывающего отрицания, даже порой высмеивания, религиозных догматов и обрядов. К тому же усугублённого двадцатилетней жизнью в столице России.

В тот день мы всё же дошли до пасеки высоко в горах. Было жарко даже здесь. Со всех сторон хаотично вздымались вершины, то поросшие лесом, то густым разнотравьем. Восхитительная красота окружала нас в полном молчании гор. Лишь грозный Сулак ревел где-то глубоко под нами, проглядывая тонкой извилистой ленточкой то справа, то слева. Мы шли медленно и всю дорогу Роза рассказывала. С юмором, нередко с болью в голосе.

Когда Асе исполнилось 13 лет её взял в третьи жены отважный пятидесятилетний джигит. Попросту купил. Представляете, городской прокурор, давний член партии, который по большим коммунистическим праздникам энергично вещал с трибуны о борьбе с бесправием мусульманок, о недопустимости многоженства и т.д. Ася попала в настоящий гарем, где царствовала мать мужа, деспотичная властная строго следующая всем предписаниям шариата. Полное затворничество и повиновение к приходящему вечерами «старика». Это было невыносимо. Она ведь росла в бедной семье, была всегда свободной и весёлой. Отца не помнит. Его убило на фронте. В семье руководил старший брат мамы, бездетный, который в племяннице души не чаял. К тому же у нас - продолжала Роза - вообще в моей семье, в семье наших братьев, а у меня их много, были слабы религиозные настроения. Нет, конечно, мы не были активными атеистами. Здесь это невозможно, но молча старались жить по советским законам.

Не знаю почему так случилось, но и мать и брат решили отдать Асю. Может думали породнится с той богатой и влиятельной семьёй. Не знаю! Потом уж она рассказывала, как живя в чужом

доме поначалу протестовала, умоляла, плакала. Её порой избивали, не кормили, но главное держали взаперти. Никуда! Неделями, месяцами держали в отдельной комнате, куда по ночам приходил этот прокурор. Потом беременность как-то смягчила обстановку. Она рассказывала, что стала покорной. Правда, не могла глядеть в глаза мужу и свекрови. Лишь по ночам прислушивалась к биению жизни в растущем животе и горько плакала. Потом случилось горе. На седьмом месяце произошел выкидыш. Погиб её сын. И вот тогда свекровь совсем озверела, при полном равнодушии мужа. Зверство, как ни странно, родило в ней дикую энергию неповиновения, отчаянной гордости.

И она сбежала домой, к матери, написав уважаемому гражданину, мужу, что поехала в Москву искать защиты. Что тут было - рассказывала Роза - я ещё была в городе и хорошо помню пересуды, ругань. Это же большая редкость для мусульманской семьи. Вам это не понять. Так обесчестить мужа, рассказать всем, что творится за порогом гарема, грозить ему Москвой. Надо же такое придумать! Старики осуждали, а мы были горды и даже собрание комсомольское устроили в школе. Ох и перепугался её муж. Обивал пороги дома, где жила семья Аси, не зная, что она прячется в задней комнате. Уважаемый гражданин молил мать, потом грозил, требовал, приезжал с дорогими подарками, клялся в любви... Только чтобы вернуть жену с дороги, замять скандал.

Я не буду передавать подробности. Вообще они как-то договорились об официальном разводе. Он не будет иметь претензий, не будет притеснять. Попросту забудет о ней. Долгие месяцы Ася боялась выходить из дома, всё ходила в сопровождении братьев. Потом успокоилась. Но ещё нередко соседки показывали на неё пальцами и обзывали нечестивицей, нарушившей святыне законы шариата. Она была вынуждена уехать в Махачкалу к дальней родственнице. Сумела закончить школу, устроилась работать на молокозавод. Стала ужасно серьёзной, молчаливой, вся в себе. И всё время мечтала о институте. Добилась, прошла на вечернее отделение. Вы не знаете как у нас тяжело женщине попасть в институт.

Потом я уехала в Москву. Когда изредка приезжала, виделась с ней в Махачкале. К ней вернулось радость, смех. Вот только вспоминала

сыночка, плакала – закончила свой рассказ Розочка - ...так что смотри, донжуан ты наш – и она захохотала - скажу братьям и они тебя быстро перевоспитают.

Вскоре показалась небольшая старая усадьба, послышался лай собак. К калитке вышел высокий прямой старик и сурово оглядел нас. Увидел Розу и после нескольких фраз заулыбался и пригласил к себе. Мне, как ни странно, не елось и не пилося. Редчайшее для моих лет состояние. История уж больно всколыхнула душу. Надо же какое варварство, прямо феодализм какой-то – ворочалось в голове - в наше-то время. Многоженство...

Древняя восточная история соприкоснулась со мной, шагнула в наше время.

Такого не может быть. Какая она красивая, какие глазща. Тринадцать лет всего, по ночам приходил хозяин её тела. Хозяин!!! Ужас какой-то! Она его не знала раньше, не видела никогда, а перечить не может. Завтра он законно идёт к другой и та тоже подчиняется – голова гудела от нахлынувших мыслей - вот почему она сразу спросила про мавзолей и музей революции. Ну, конечно. Это для неё как лампа Алладина.

Моё воображение рисовало картины одну за другой. Отчётливо, в подробностях. Как тискают маленькую, сжавшуюся в комок девочку потные старческие руки со вспухшими от волнения венами, как она кусает онемевшие от боли губы, как закрывает руками лицо и тело, стараясь избавиться от ласк похотливого старика, как мычит, сдерживая вопли. И некому сказать, пожаловаться. Злость, недоумение и жалость переполняли сердце. Рождали острое сострадательное чувство. Оно росло и крепло с каждым днём. Образ нежной Аси неотступно сопровождал все дни и ночи.

На четвёртый день Роза позвонила в трест. Там долго вспоминали о нас. Кто вы, да откуда. Наконец разобрались. Попросили перезвонить через день. Она позвонила через три дня и опять они долго вспоминали и, наконец, сообщили о назначении всех нас в маленький городок Ачи-су, что стоял на берегу моря в 30 км. южнее Махачкалы. На пыльном дребезжащем автобусе мы приехали в столицу, получили назначение, даже деньги и в тот же день выехали ... на работу. Электричкой, которая четырежды в сутки бегала по маршруту Махачкала-Дербент. Всё это время я молчал о Асе, пережевывал сокровенные мысли и лишь перед самым отъездом робко попросил Розу как-нибудь пригласить сестру к нам на выходные.

Значит решил всё таки - Роза пытливно смотрела в глаза - хорошо, сейчас позвоню и передам тебе трубку, сам пригласишь.

Вся моя храбрость исчезла, к тому же рядом стояли Роза, Нина и птенчик. Они насмешливо смотрели. Что говорить? Как общими фразами передать почти незнакомой девушке желание видеть её. Передать нежно.

В трубке послышался голос Аси. Она спрашивала Розу - ...как там твои друзья, может подъешишь с ними к университету, погуляем. Алло! Роза! Что ты молчишь!...

Честно говоря, я совсем оробел. Она ведь приглашает, значит и меня имеет ввиду, а в трубке не Роза, а я. И с ходу, как в омут, прокричал -

Ася, это я. Роза передала мне трубку. Очень хочется приехать. Очень...

Видимо рожа моего лица при этих словах выразительно скукожилась.

Настолько, что стоящий рядом Вадим громко прыснул от смеха. Это совсем меня убило, показалось что и её, услышавшей смех, так как долго в трубке никто не отвечал.

Ася, ты меня слышишь - закричал я. Раздался тихий, тихий голос - ...да, слышу.

Почему-то пришла уверенность и я стал быстро говорить - мы сейчас уезжаем в Ачи-су, электричкой. Приехать уже не можем. Но я очень прошу тебя в субботу приехать к нам - помедлил и выпалил - я буду тебя ждать ... перезвоню в пятницу.

Так начался роман. Как обвал в горах, как паводок горной реки. Горел и мечтал увидеть эти необыкновенные глаза и густые ресницы. Слагал длинные красивые фразы, обходя скважины и делая замеры (это была наша работа). Видел эти глаза близко-близко и даже ощущал руки на своих плечах, проглатывая жуткие обеды в столовой, не замечая вкуса. А длинными южными вечерами бесился, юродствуя и кривляясь в разговорах с друзьями.

Жили мы в красном уголке дома культуры нефтяников. Я с птенчиком в одной комнате, Нина и Роза в соседней. Помнится было очень жарко и относительная прохлада наступала где-то к 11-12 ночи. Дом культуры стоял на окраине городка, на шоссе. Рядом шумело море. Одуревшие от жары, два юных создания в трусах и кедах выходили на дорогу и шли по асфальту шоссе. Шли до

«Пушкина» и обратно. Это примерно 4-5 км. Доходили до высоченной скалы, возвышавшейся над дорогой. Гениальный скульптур Природа, ветрами, солнцем да дождями высекала на вершине скалы профиль головы гениального поэта. Потрясающее сходство.

Мы шли и легкий ветерок с моря остужал разгорячённые тела. Согласно закону, освободившаяся при этом энергия не исчезала в просторах гор или моря, а лишь плавно перетекала по соседству. От меня в сознание друга и наоборот. О чём мы только не говорили. О друзьях, раскиданных сейчас по всей стране, вспоминая их слова, шутки, проказы. О подругах, прошлых и настоящих, о преподавателях института, любви или равнодушии к тем или иным предметам, часто о маминой пиццы, глотая слюну. Но иногда что-то наплывало особенное и я читал стихи. Читал громко, просто орал от счастья жизни, от бурлящего здоровья, от новой возникшей любви, от сладостного сознания, что и я любим. Почему-то был в этом уверен.

В эти минуты мне доставляло удовольствие говорить о своём чувстве Вадиму, кустам и деревьям, ветру, окружающим скалам, бессчётным звёздам. Какое-то опьянение овладевало мной и я рассказывал подробности наших будущих встреч...Я мечтал.

Свидания стали частыми. Поначалу Ася приезжала утренней субботней электричкой. Потом и по средам, ближе к вечеру. Она выходила из вагона всегда с алюминиевым бидончиком в руке и робко озиралась. Искала меня. Какое-же было удовольствие прятаться за будочкой мороженицы и любоваться её точёной фигурой, обтянутой ярким шелковым платьем, её смоляной косой, то змеёй свисающей до поясницы, то свёрнутой красивым клубком на затылке. Вот она находила меня, в глазах вскипала улыбка, невероятно лучистая, скромная, искренняя. Она освещала лицо и в мгновенье касалась меня. Пронзала насквозь.

Я стоял не шелохнувшись и когда её лучики только касались меня, буквально млел от счастья и истомы. Кидался, старался взять её руки. Она пугливо озиралась и позволяла полуобнять лишь когда последний пассажир исчезал за поворотами дорог. Так мы и шли. Дома нас ждала строгая Розочка. Она внимательно, до появления красноты на смуглом лице Аси, осматривала нас и не найдя ничего

предосудительного начинала говорить, смеяться, готовить ужин. Эти ужины я запомнил на всю жизнь.

Колбас и мяса в городе почти небыло. Лишь на рынке, но он нам был недоступен. Зато овощи и фрукты были в изобилии. Мясные помидоры, сладкие огурцы и перцы, травы. Да ещё краяхи благоухающего чёрного хлеба. Но венцом застолья была копчёная осетрина, которую мы покупали у рыбаков и, конечно, молодое вино. А на десерт ... тот самый бидончик, который привозила Ася. Она ведь работала на молокозаводе. Целый бидон какой-то невероятно вкусной полусладкой смеси сливок и сметаны стоял на столе. Всё издавало невероятные ароматы счастья.

Я уже не смущался присутствия Аси. Все знали о наших чувствах и потому куролесил и балагурил вовсю. Потом шли на пляж. Мы искали уединения. Инстинктивно. Но Роза ни на минуту не спускала с нас глаз и её громкий повелительный голос остужал наши чувства. Она всегда была рядом. Нина с птенчиком часто исчезали и наша пионервожатая прогуливала двоих «детей» по склонам и долинам Главного Кавказского хребта. Я начинал тихо ненавидеть Розочку. Дулся, не разговаривал с ней по будним дням. А она хохотала. Может ревновала. Такие мысли появлялись в голове и злили ещё больше.

Неожиданно наступила прекрасная пора. Роза стала уезжать домой в Буйнакск на суботне-воскресные дни. Мама заболела. Каждый раз она строго предупреждала Асю не приезжать без неё. Ася молчала в трубку ... и приезжала. Нам требовалось видеть друг друга, смотреть в глаза, касаться и ... говорить, говорить, говорить. Теперь мы были вдвоём и никто, никто не мог помешать нашим чувствам. Никто не мог подглядывать. Только бескрайний песчаный пляж, зелёные волны и пышные кроны береговых сосен, да ещё обнаженная, яркая, безликая, бесстыдная луна. Она была единственным свидетелем. Моё безумство не знало границ. Я целовал её глаза, плечи, груди, ноги. Погружался в её длинные, пышные, смоляные волосы. Она обнимала и крепко прижавшись, шептала какие-то непонятные слова. И каждый раз, когда мои руки скользили вдоль бёдер, терзая их, Ася вдруг сжималась и ... начинала плакать. Слезы лились ручьём.

И руки мои расжимались, падая на песок. Острая жалость к этой маленькой, непомерно обиженной девочке мгновенно вытесняла, подавляла восставшую плоть. Мы долго лежали, крепко обнявшись. И тогда, как-бы оправдываясь, начинала говорить Ася. Взволнованно, сбивчиво, глядя мою густую шевелюру. Трудно передать ощущения, когда не видишь лица говорящего человека. Слышишь только звуки, буквально осязаешь их сокровенный смысл. Они до последней интонации понятны, долго блуждают в глубоких закоулках сознания. Но ты не видишь лица и потому звуки вызывают какой-то мистический, не материальный образ. И потому необыкновенно будоражат душу.

Когда Ася плакала, то со слезами исходила её боль, обиды. На родную мать, любимого дядю, который заменил ей убитого отца. Она ведь знала, что её попросту продали. С обидой изливались светлые мечты девочки - поруганные, осквернённые, истоптанные. Исходила безысходность, когда долгие годы некому было пожаловаться, чтобы защитил. И вот появилась ... надежда. Нашелся, наконец-то, человек, который поймёт, поддержит, всегда будет рядом. Она как-будто исповедывалась. Мне! Ей казалось самому близкому человеку. Становилось страшно. Даже будучи весьма легкомысленным существом, понимал непомерную тяжесть другой человеческой судьбы, которая вползала в мою юную душу. Хватит-ли ответственности, чувств. Не сексуальных, гораздо более глубоких, чтобы взвалить на себя такую любовь, такую судьбу. Смогу-ли пронести их в чистоте всю жизнь, не расплескать, не обидить. Ведь это для Аси будет смерти подобно!

Впервые я так глубоко и серьёзно задумался. Страх попеременно со злостью на себя наполняли душу. Становилось не по себе. Приходили дурацкие мысли, точнее мыслишки. Зачем тебе всё это! Впереди жизнь светлая, радостная, лёгкая, московская. А её воспоминания, тяжесть и горечь пережитого будут всю жизнь с ней. Неотвязно. Следовательно и с тобой. Нет! Не хочу! Не хочу!

Мы вставали и медленно, молча шли в наш красный уютный уголок. Мне казалось Ася понимала, что творится в моей душе. Понимала и не осуждала. Она любила! Она доверилась! Мне становилось стыдно и гадко. Нас ждали Ниночка и её скромный птенец. Мы пили чай, лениво переговариваясь и уходили по комнатам. Наутро Ася уезжала. Всю неделю я мучительно

переживал, ругал себя за нерешительность, раздвоенность, но когда подходили дни встречи чувственная волна вновь вздымалась, превращаясь в бурю к субботе или среде. Так продолжалось около трёх месяцев.

Субботне-воскресные истязания чуть недовели меня до истерики. Я поругался с Вадимом, потом с Ниной. Розу вообще не мог видеть и оставался в одиночестве. Даже стал просить начальство направить куда-нибудь на другой промысел. И тут случай вдруг вывел меня из напряженного нервного состояния. В один из душных вечеров Вадим вдруг попросил меня прогуляться к «Пушкину». До того мы не разговаривали с неделю. Мы шли по шоссе и поначалу молчали. Я курил беломорину и дым кольцами плавал в безветренном воздухе. Только сейчас заметил, что Вадим как-то странно шагает. В растопырку. При каждом шаге старается раздвинуть ноги пошире, чтобы они по возможности не соприкасались в районе ляжек.

Что с тобой? Натёр ступни – спросил я – в какие-такие горы и ущелья тебя затащила Ниночка

Да, натёр. Только не ступни ...и не в горах – хмыкнул Вадим и замялся, замычал что-то нечленораздельное. Я заинтересовался, хотя в голове бродили совсем иные мысли. Внимательно посмотрел и заметил в свете фонаря большой торчащий бугор под трусами, между ног.

Да у тебя в паху что-то!

Вот там и натёр – чуть ли не со слезой в голосе ответил милый Вадим – знаешь, хотел с тобой посоветоваться...

Он опять замялся. Замолчал, опустил голову и глядя в асфальт шоссе вновь заговорил - вчера, понимаешь, когда ты с Асей гулял, у меня с Ниной произошло это, ...ну это ... ну, ты понимаешь. Она никогда, понимаешь, в Москве не обращала на меня внимание. Так мне казалось, ну и я не обращал на неё. А тут стала приглашать гулять ... ну ты понимаешь... вообще я и влюбился. Как ты. А вчера вечером, когда вы с Асей кувыркались на берегу, подошла сзади, я сидел писал наш недельный отчёт и, понимаешь, обняла, крепко прижалась, потом села на колени ко мне и давай целовать. Ну, а я что, каменный что-ли. Понимаешь! Ну в общем это в первый раз у меня...

в жизни первый раз... такое дикое состояние. Такое, что я набросился и дальше ничего не помню. Целый вечер мы занимались этим, не отрывались, понимаешь. А утром проснулся,

сегодня, думаю, что так болит между ног, поглядел и ужаснулся. Понимаешь, он вспух весь и раны какие-то, кровоточат. Что делать? Может это заразное. От неё...

Я расхохотался. Громкий смех, как разрядка, буквально душил меня и ночная тишина далеко уносила звуки, откликаясь многожды в горах. Наутро я потащил друга в больницу. Он упирался. Старая врачиха внимательно осмотрела, чуть-чуть пощупала, потом обильно смазала, перевязала и устало улыбнувшись, сказала раскрасневшемуся Вадиму –

Ничего страшного и заразного нет. Просто, молодой человек, надо менее темпераментно и более осмотрительно заниматься любовью. Вы сильно натёрли пенис о волосы вашей партнёрши. Скоро пройдёт, а пока больше не занимайтесь этим... повремените.

Этот смешной эпизод почему-то поставил точку и в моём отношении к Асе.

И у меня скоро пройдёт - металось в сознании - скоро пройдёт, я ведь знаю себя. Что будет с ней, страшно подумать. Куда я её привезу? Нет, мы слишком разные, как небо и земля. Мы из разных цивилизаций. У меня пройдёт, а у неё нет и тогда страшная трагедия. Да ещё вдруг дети. Нет, лучше сейчас сказать честно. Не морочить ей голову. Она крепче меня, переживёт. Она высказала всё накипевшее, она выплеснула накипь. Осталась чистой её душа. Не стоит заполнять её своей легкомысленной городской особой. Именно сейчас стоит исчезнуть, оставив приятные воспоминания. Сейчас!!!

Вскоре поезд уносил нас в Москву. Я прощался с Кавказом, с древним морем ... и Асей. Рядом ворковали Вадим и Ниночка. Гордый птенец возвращался к маме задорным петушком, хотя и не бойцовой породы. Они и до сих пор живут вместе. А мне ещё долго мерещилась Ася между случайными встречами, женитьбами, метаниями по России, лёгкими и тяжелеющими со временем размышлениями ...о своей судьбе.

Странной!

Оглавление

Глава 1. Ася	3
Глава 2. Не судьба	17
Глава 3. Бегство	29
Глава 4. Первое затмение	42
Глава 5. Где ж твоя улыбка.....	65
Глава 6. Внематочный полевой сезон.....	80
Глава 7. Песни горбатых китов	100
Глава 8. Настенька ... Настюха	120
Глава 9. Позолоченное время (хроника событий).....	140
Глава 10. Безродные потомки	226

Акварели - Вера Гранатова (Москва)